

А.П. Лопухин

Толковая Библия

Том 5

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
А11

А11 **А.П. Лопухин**
Толковая Библия: Том 5 / А.П. Лопухин – М.: Книга по Требованию, 2023. – 552 с.

ISBN 978-5-458-63278-2

Перед вами изданная в 1904-1913гг "Толковая Библия" А. П. Лопухина (11 томов) - единственное, изданное в России толкование всей Библии. Уже в 1914 году это издание стало библиографической редкостью. Самое фундаментальное русское издание Библии - с иллюстрациями и подробным комментарием на все книги. Автором одного из самых авторитетных исторических комментариев к книгам Священного писания является выдающийся русский библеист Александр Павлович Лопухин (1852-1904). В 1904 году под редакцией А. П. Лопухина было начато, а после его смерти продолжено и спустя 9 лет завершено преемниками самое масштабное в истории отечественной библеистики издание книг Священного Писания - «Толковая Библия», которая кроме полного библейского текста с иллюстрациями содержит подробный комментарий на каждую книгу.

ISBN 978-5-458-63278-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Книга Екклесіаста¹⁾.

Книга Екклесіаста, какъ видно изъ ея начала, содержитъ въ себѣ слова *Екклесіаста, сына Давидова, царя въ Иерусалимѣ*. Такъ какъ лишь одинъ сынъ Давида былъ царемъ, именно Соломонъ, то очевидно, что этотъ послѣдній и названъ здѣсь Екклесіастомъ. Соломонъ во всѣ времена еврейской исторіи считался величайшимъ мудрецомъ и, какъ творецъ многихъ назидательныхъ притчей, учителемъ народа. Съ такимъ характеромъ онъ выступаетъ и въ нашей книгѣ. Онъ „самъ былъ мудръ и училъ народъ познанію“, замѣчаетъ писатель книги въ XII, 9. Сответственно этой чертѣ Соломону дано еврейское названіе Когелетъ. Оно происходитъ отъ корня *kahal*, который въ глагольной формѣ значитъ: созывать, собирать (= греч. *ἐκκαλέω*) ср. Лев. VIII, 3; Числ. I, 78; Второз. IV, 10 и др., въ формѣ существительнаго имени (какъ греч. *ἐκκλησία*²⁾; собраніе вообще, религиозное собраніе въ частности, напр. Числ. X, 7; Пс. 22, 23; 35, 18; Неем. V, 7 и др. Отсюда евр. *kohleth*, какъ и греч. *ἐκκλησιαστής* значитъ: созывающій собраніе, говорящій въ собраніи, церковный ораторъ, проповѣдникъ. Къ такому наименованію Соломона могъ дать частный поводъ въ высшей степени знаменательный фактъ, описанный въ 3 Цар. VIII (ср. 2 Пар. V—VI), когда Соломонъ при освященіи своего храма *созываетъ* (*jakhel*) израильтянъ, произнесъ свою замѣчательнѣйшую молитву о ниспосланіи милости Божіей всѣмъ входящимъ во храмъ, какъ народу еврейскому, такъ и иноплеменникамъ, затѣмъ благословивъ *собраніе* (*kahal*) обратился къ нему съ рѣчью, въ которой молилъ Бога о томъ, чтобы Онъ направилъ сердце народа на сохраненіе уставовъ и соблюденіе заповѣдей. Здѣсь такимъ образомъ въ наглядной, осязательной формѣ Соломонъ явился тѣмъ, чѣмъ онъ былъ для своего народа и во всѣ послѣдующія времена, т. е. когелетомъ, проповѣдникомъ. Женская форма евр. имени указываетъ или на подразумѣваемое существительное *shokma* (мудрость) или, вѣроятноже, на официальную миссію Соломона, какъ народнаго учителя, такъ какъ имена, означающія должность, часто принимали у евреевъ форму женскаго рода. Вѣроятно такимъ путемъ образовавшееся символическое имя Соломона—Когелетъ—(Екклесіастъ) дало названіе и самой книгѣ.

¹⁾ Общее понятіе о Библии, о Ветхомъ Заветѣ, объ историческихъ и учительныхъ книгахъ см. I, II, III и IV т.т. Толковой Библии. изд. Редакціей Странника въ 1904, 1905, 1906 и 1907 г.г.

²⁾ Греч. *ἐκκλησία* и лат. *concilium* имѣютъ общій корень съ евр. *kahal*.

Все *содержаніе* книги Екклесіаста служить какъ бы отвѣтомъ на вопросъ: въ чемъ счастье на землѣ, возможно ли для человѣка полное, совершенное счастье (I, 3; III, 9; V, 15; VI, II)? На этотъ вопросъ Екклесіастъ самымъ рѣшительнымъ образомъ даетъ отрицательный отвѣтъ. Ithron—такъ называетъ онъ совершенное счастье въ отличіе отъ временныхъ и скоропреходящихъ радостей—невозможно для человѣка. Ничто въ мірѣ и въ жизни человѣка не можетъ дать такого счастья. Отсюда все суетно, все ничтожно, все бесполезно. *Суета суетъ, все суета*. Вотъ выводъ, къ которому пришелъ Екклесіастъ путемъ долгихъ и тяжелыхъ исканій, и который онъ одинаково рѣшительно высказываетъ какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ книги (I, 2; XII, 8). Но почему недостижимо абсолютное счастье, почему все оказывается въ этомъ смыслѣ бесполезнымъ и суетнымъ? Причина этого въ томъ, что все въ мірѣ подчинено неизмѣннымъ и въ то же время однообразнымъ законамъ и вслѣдствіе этого находится въ постоянномъ круговращеніи, не дающемъ ничего новаго, ничего такого, что могло бы хотя въ будущемъ обезпечить достиженіе Ithron (I, 4—11). Движеніе не впередъ, а вокругъ, безпрогрессивное круговращеніе наблюдается не только во внѣшней природѣ, но и въ жизни человѣческой, гдѣ психическія явленія чередуются съ тою же послѣдовательностью, какъ и явленія природы, столь же мало зависятъ отъ воли человѣка, гдѣ также есть всему свое время (III, 1—8). Эта неотвратимость естественнаго хода вещей, безсиліе человѣческой воли измѣнить его направленіе, подчинить себѣ, дѣлаютъ счастье, доступное человѣку, непрочнымъ, непостояннымъ, случайнымъ, скоропреходящимъ. Человѣкъ ни за одну минуту не можетъ поручиться, что счастье не измѣнитъ ему. Конечно такое счастье не есть Ithron. Изслѣдуя затѣмъ частные случаи изъ собственной жизни и жизни людей, Екклесіастъ еще болѣе убѣждается въ томъ, что ничто не можетъ дать человѣку истиннаго счастья. Мудрость? Но она приноситъ людямъ мученіе, обнажая и въ мірѣ и въ человѣкѣ безобразіе и ничтожество, прикрывающееся видимой красотой и цѣлесообразностью, рождая въ человѣкѣ тяжелое сознаніе ограниченности его ума и неопостижимости всего существующаго (I, 13—18). Безпечное веселіе, пользование всякими удовольствіями и развлечениями? Но оно оставляетъ въ душѣ человѣка мучительное ощущеніе пустоты и безсодержательности (II, 1—2). Радости труда, разнообразной дѣятельности? Но онѣ меркнутъ отъ сознанія ничтожности и случайности результатовъ труда (II, 3—11). Послѣдніе зависятъ не столько отъ самого человѣка, его талантовъ и энергіи, сколько отъ времени и случая (IX, 11). Не зависить отъ человѣка и то благо, чтобы ѣсть и пить (II, 24). Богатство? Но оно принадлежитъ собственно не человѣку, а жизни. При смерти обладателя оно переходитъ къ наслѣднику, который можетъ оказаться глупымъ и злоупотребить наслѣдствомъ (II, 18—19). Да и при жизни богатые часто чувствуютъ себя одинокими, мучатся завистью, раздорами, жадностью (IV, 4—8; VI, 1—6) или внезапно теряютъ богатство

(V, 10—16). Но надъ всѣми этими человѣческими скорбями и превратностями царитъ величайшее зло — смерть, которая одинаково поражаетъ и мудрыхъ и глупыхъ (II, 14—16), и праведныхъ и нечестивыхъ (IX 1—3), уничтожая такимъ образомъ всякое различіе между людьми и дѣлая счастье ихъ призрачнымъ. А то, что слѣдуетъ за смертью, состояніе въ шеолѣ, есть жизнь безъ знанія, размышленія, безъ любви, надежды и ненависти, жизнь, по сравненію съ которой даже печальное земное существованіе есть благо, такъ какъ и псу живому лучше, чѣмъ мертвому льву (IX, 4—6. 10). Гдѣ царствуетъ смерть, тамъ не можетъ быть прочнаго счастья. Но что же отсюда слѣдуетъ? Долженъ ли человѣкъ придти къ мрачному унынію, къ сознательному отвращенію къ жизни, столь безжалостно разбивающей всѣ мечты о счастьѣ? Нѣтъ. Тамъ, гдѣ повидимому безпросвѣтнымъ туманомъ далженъ былъ нависнуть крайній пессимизмъ, для Екклесіаста заблестѣла живая надежда на возможность нѣкотораго счастья, вѣра въ нѣкоторую цѣнность жизни. *Ithron*—совершенное счастье для Екклесіаста по прежнему оставалось недостижимымъ, но онъ нашелъ въ жизни сравнительное благо, относительное счастье, то, о чемъ съ увѣренностью можно сказать, что это нѣчто *лучшее*. На мѣсто недостижимаго *Ithron* является возможное для человѣка *Tob*. Что такое это *Tob*? Чтобы понять и сумѣть достичь это *Tob*, для этого необходимо взглянуть на міръ и жизнь человѣка съ совершенно новой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія религіозной, надо на мѣсто міросознанія поставить богосознаніе, живое сознаніе дѣйствующей въ мірѣ Божественной силы. Все въ мірѣ подчинено извѣстнымъ неизмѣннымъ законамъ, но эти законы суть ничто иное какъ выраженіе Божественной воли. Человѣкъ зависитъ не отъ слѣпого рока, а отъ Божественнаго провидѣнія. Все отъ руки Божіей. Безъ него человѣкъ не можетъ даже ѣсть и пить (II, 24—26). Человѣкъ не въ состояніи препираться съ Богомъ (VI, 10), измѣнить то, что дѣлаетъ Богъ (III, 14; ср. VII, 13). Онъ не знаетъ путей Божіихъ (III, 16—17), не знаетъ ни будущаго, ни цѣлей настоящаго (III, 11, XI, 5; VII, 14). Но если пути Божіи и непостижимы, то они во всякомъ случаѣ не могутъ быть несправедливы. Богъ воздастъ каждому по заслугамъ, наградитъ боящихся Его и накажетъ нечестивыхъ (VIII, 12—13). Какъ только человѣкъ начинаетъ взирать на міръ съ религіозной точки зрѣнія, кореннымъ образомъ измѣняется его настроеніе. Убѣдившись въ томъ, что судьба человѣка въ рукахъ Божіихъ (IX, 1), онъ оставляетъ всѣ безпокойныя заботы и боязливыя ожиданія будущаго, всякое раздраженіе огорченіе и досаду (V, 16), которыя, ни къ чему не приводя, портятъ настоящее, отравляютъ всякія радости, и наиболѣе вѣрное средство къ обезпеченію будущаго видитъ въ пріобрѣтеніи милости Божіей сердечной молитвой, благоговѣйнымъ исполненіемъ обрядовъ, соблюденіемъ заповѣдей и обѣтовъ (IV, 17—V, 4). Спокойный за будущее онъ безмятежно наелаждается тѣми радостями, какія посылаетъ ему Богъ (VII, 14). Онъ ѣстъ съ веселіемъ хлѣбъ свой, пьетъ

въ радости вино свое, считая то и другое за даръ Божій (IX, 7; III, 13). Онъ наслаждается жизнью съ женою своею, которую далъ ему Богъ на всѣ суетные дни подъ солнцемъ (IX, 9). Во всякое время одежды его свѣтлы, и елей не оскудѣваетъ на головѣ его (IX, 8). Сладокъ ему свѣтъ и пріятно ему солнце (XI, 7). Если Богъ посылаетъ ему несчастье, онъ размышляетъ (VII, 14) и примиряется съ нимъ, вполне убѣжденный въ цѣлесообразности и справедливости Божественнаго промысла, въ воспитывающей и очищающей силѣ страданій. Зная, что при печали лица сердце ублажается (VII, 3), онъ намѣренно ищетъ того, что возбуждаетъ печаль. Онъ предпочитаетъ день смерти дню рожденія, домъ плача дому пира, сѣтованіе смѣху, обличенія мудрыхъ пѣснямъ глупыхъ (VII, 1—6). Въ отношеніи къ людямъ онъ проникается чувствомъ незлобія, снисходительности, доброжелательства. Онъ ищетъ нравственнаго единенія съ людьми, зная, что двоимъ лучше, чѣмъ одному (IV, 9—10). Увѣренный, что отъ судьбы другихъ людей зависитъ и его судьба, онъ всячески содѣйствуетъ ихъ благополучію. щедро раздавая свое имущество (XI, 1—2).—Таковое состояніе духа, когда человѣкъ, всецѣло вручивъ себя Божественному провидѣнію, безмятежно наслаждается жизнью, спокойно и благополучно перенося всѣ посылаемыя ему испытанія, и есть единственно возможное для него счастье, его *Tov*. Но это счастье не полное, оно не можетъ вполне удовлетворить вложенному въ человѣка стремленію къ вѣчному счастью (III, 10—11). *Ithron* недостижимо. Все суета и томленіе духа. Вотъ результатъ, къ которому пришелъ Екклесіастъ. Съ его ученіемъ о шеолѣ, съ его неопредѣленнымъ представленіемъ о судѣ Божіемъ, съ его полнымъ незнаніемъ воскресенія мертвыхъ Екклесіастъ не могъ придти къ иному выводу. Онъ искалъ совершеннаго счастья „подъ солнцемъ“, т. е. въ предѣлахъ земного бытія, но тамъ его не могло быть.

Книга Екклесіаста въ надписаніи своемъ (I, I) усвоится Соломону. Но само по себѣ надписаніе книги не рѣшаетъ окончательно и безусловно вопроса о ея писателѣ. Въ древности было въ обычаѣ воспроизводить мысли и чувства замѣчательныхъ историческихъ лицъ въ разговорной или поэтической формѣ. Это было своего рода литературнымъ приемомъ, особой литературной формой, въ которой авторъ, заботясь о тожествѣ духа, а не о тожествѣ буквы, бралъ изъ исторіи лишь общую мысль, подвергая ее самостоятельной разработкѣ. Примѣръ такого своеобразнаго изложенія рѣчей пророческихъ, можно находить въ книгахъ Царствъ и Паралипоменонъ. Нѣкоторыя особенности книги Екклесіаста убѣждаютъ въ томъ, что и въ ней мы имѣемъ дѣло съ подобнымъ литературнымъ приемомъ. Прежде всего языкъ книги съ несомнѣнностью показываетъ, что она явилась уже послѣ плѣна вавилонскаго, когда еврейскій языкъ потерялъ свою чистоту и получилъ сильную арамейскую окраску. Книга Екклесіаста переполнена арамеизмами даже въ большей степени, чѣмъ книги Ездры и Нееміи и другія послѣплѣнные произведенія, заключаетъ въ себѣ множество отвлечен-

ныхъ и философскихъ выраженій и даже имѣеть кое-что общее съ талмудическимъ словоупотребленіемъ (см. особенности языка у Кеиля, *Vibl. comment. üb. d. poet. V. A. T. IV B; 5 197—206* и М. Олесничаго, Книга Екклезіаста, стр. 156—157. Правъ одинъ изслѣдователь сказавшій, что если бы Соломонъ написалъ книгу Екклезіаста, то не было бы никакой исторіи еврейскаго языка. Во всякомъ случаѣ тогда нельзя было бы усвоить Соломону книгу Притчей. И въ самомъ содержаніи книги мы найдемъ не мало признаковъ ея позднѣйшаго происхожденія. Екклезіастъ говоритъ о себѣ: *Я былъ царемъ надъ Израилемъ въ Иерусалимѣ* (I, 12). Самъ Соломонъ не могъ употребить здѣсь прошедшаго времени, такъ какъ онъ оставался царемъ до конца своей жизни. Такимъ образомъ могъ сказать о немъ человекъ, жившій послѣ него. Тоже слѣдуетъ сказать о выраженіи: *Я возвеличился и приобрѣлъ мудрости больше всѣхъ бывшихъ прежде меня надъ Иерусалимомъ* (I, 16). До Соломона лишь одинъ Давидъ былъ царемъ въ Иерусалимѣ, слѣдовательно при жизни Соломона нельзя было говорить о всѣхъ бывшихъ царяхъ въ Иерусалимѣ. По II, 3. 9 представляется, что Соломонъ предавался чувственнымъ наслажденіямъ ради философскихъ экспериментовъ, по идеальнымъ мотивамъ. Этого не могъ сказать о себѣ историческій Соломонъ. Говоря о религиозныхъ недостаткахъ современнаго общества, наша книга совершенно умалчиваетъ объ идолопоклонствѣ, столь широко распространенномъ во времена царей, а отмѣчаетъ фаризейское, бездушное исполненіе обрядовъ (IV, 17.; V, 1 и д.), о которомъ часто говоритъ пророкъ Малахія. Непонятно для времени Соломона и предостереженіе отъ составленія и чтенія многихъ книгъ (XII, 12). Самое содержаніе книги, жалобы на суетность всего, общее чувство неудовлетворенности, увѣщаніе не поддаваться мрачному унынію, довольствоваться немногимъ въ жизни,—мало подходитъ къ славной и блестящей эпохѣ Соломона, когда еврейскій народъ переживалъ пору своей юности, полный силъ и надеждъ, гордый своими успѣхами, не знавшій еще разочарованія. Здѣсь сказались скорѣе общее недовольство послѣплѣннаго времени, общее утомленіе въ постоянной борьбѣ съ тяжелыми политическими и соціально-экономическими условіями жизни. *Не говори, отчего это прежніе дни были лучше нынѣшнихъ*, составляетъ Екклезіастъ. Ни въ одну эпоху это такъ часто не говорилось, какъ послѣ плѣна. Все это побуждаетъ признать, что книга Екклезіаста написана не Соломономъ, а лицомъ, жившимъ въ послѣплѣнное время. Уже м. Филаретъ допускалъ нѣкоторое сомнѣніе въ принадлежности ея Соломону. „Къ сожалѣнію, писалъ онъ. обращеніе Соломона не столь достоверно, какъ его заблужденіе. Книга Екклезіаста *повидимому* есть памятникъ его покаянія“ (Начерт. церковно-библ. исторіи. Изд. 9. стр. 230 231).

Какъ видно изъ содержанія книги и изъ историческихъ обстоятельствъ ея появленія, *цѣль*, какую ставилъ себѣ ея писатель, состояла въ томъ, чтобы утѣшить впадавшихъ въ уныніе современ-

никовъ, съ одной стороны выяснивъ суетность и тлѣнность всего земного, съ другой стороны указавъ средство и при существовавшихъ тяжелыхъ условіяхъ создать болѣе или менѣе сносное существованіе. Это средство заключалось въ томъ, чтобы жить, трудиться, наслаждаться всякими доступными радостями, ежеминутно, такъ сказать, ощущая свою зависимость отъ Божественнаго провидѣнія и въ немъ почерпая для себя источникъ нравственнаго мужества и душевнаго спокойствія. Такая задача книги, какъ и все ея содержаніе, вполне согласное съ богооткровеннымъ ветхозавѣтнымъ ученіемъ, не даютъ никакихъ основаній сомнѣваться въ каноническомъ достоинствѣ книги. Если нѣкоторые древніе раввины, а за ними и христіанскіе писатели (напр. Іустинъ, Иринеи, Климентъ Александрійскій, Оригенъ) совершенно умалчиваютъ о книгѣ Екклесіаста и сомнѣваются въ каноническомъ достоинствѣ книги, то это объясняется тѣмъ, что они брали и толковали нѣкоторыя соблазнительныя мѣста отрывочно, безъ связи съ общимъ содержаніемъ книги, и вслѣдствіе этого находили въ нихъ признаки эпикуреизма, фатализма и пессимизма. Ничего подобнаго не оказывается въ книгѣ при правильномъ ея пониманіи.

КНИГА ЕККЛЕСІАСТА.

ГЛАВА 1-я.

1. Слова Екклесіаста, сына Дави- | 2. Суета светъ, сказалъ Еккле-
дова, царя въ Іерусалимѣ. | сіастъ, суета суеть,—все суета!

I.

2—3. Основная мысль книги. 4—11. Крутовращеніе міровыхъ стихій. 12—15. Лич-
ный опытъ Екклесіаста. 16—18. Суетность мудрости.

1. Сравнивая надписаніе книги Притчей и книги Екклесіаста, нѣкоторые толко-
ватели не безъ основанія находятъ въ послѣдней признаки несоломоноваго проис-
хожденія. Не совсѣмъ понятно, почему Соломонъ не названъ здѣсь своимъ собственнымъ
именемъ, какъ это въ книгѣ Притчей, если бы дѣйствительно онъ былъ писателемъ
книги Екклесіаста. Не выступаетъ ли здѣсь историческій Соломонъ простымъ символомъ,
какъ и самое имя Когелетъ? Мало понятно также выраженіе *царя въ Іерусалимѣ*.
Въ историческихъ книгахъ Соломонъ называется обыкновенно царемъ израильскимъ
(напр. 4 Цар. XXIII, 18, 8 Цар. IV, 1 и др.), но никогда просто царемъ въ Іеруса-
лимѣ. Последнее выраженіе указываетъ повидимому на то время, когда Ираиль пере-
сталъ составлять самостоятельное царство и не имѣлъ уже своего царя въ Іерусалимѣ.

2. *Суета суеть*. Евр. *hebel* отъ халдейскаго *habal*—лѣмнѣться, испаряться зна-
чуть: дымъ, паръ, дыханіе, въ переносномъ смыслѣ: ничтожество, бесполезная вещь,
тлѣнность, суетность. Этимъ именемъ называются языческіе боги (Второз. XXXII, 21;
Іер. XIV, 22), какъ не приносящіе никакой пользы человѣку (Іер. XVI, 19), всякая
бесполезная вещь, тщетное, напрасное дѣйствіе (Исаіа XXX, 7; XLIX 4). фантастиче-
скія мысли (Пс. XCIII, 11), безрадостная, скорбная жизнь (Іов. VII, 16). Выразеніе
„суета суеть“ указываетъ на высшую степень ничтожности, бесполезности. Ничтожнымъ
по Екклесіасту является *все*. Но въ 3 и слѣд. стихахъ это „все“ ограничивается суще-
ствующимъ и происходящимъ „подъ солнцемъ“, т. е. въ предметахъ земного, вѣчнаго
бытія. Да и въ этомъ случаѣ понятіе суетности у Екклесіаста нуждается въ нѣкоторомъ
ограниченіи. Всѣ вещи и явленія по планамъ провидѣнія имѣютъ свои цѣли, осуществляя
которыя онѣ не могутъ быть признаны бесполезными, ничтожными (ср. III, 11: *все*
содѣлалъ Онъ прекраснымъ въ свое время). Ничтожными онѣ являются въ сознаніи Еккле-
зіаста лишь въ отношеніи къ той цѣли человѣческихъ стремленій, которая заключается
въ достиженіи совершеннаго, абсолютнаго счастья—*Jthron*. По отношенію къ этой цѣли
все въ мірѣ ничтожно, бесполезно, тщетно. Ничто не въ состояніи дать человѣку ве-
реходящаго счастья.

3. Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится онъ подь солнцемъ?

4. Родъ проходитъ, и родъ приходитъ, а земля пребываетъ во-вѣки.

5. Восходитъ солнце, и заходитъ солнце, и спѣшитъ къ мѣсту своему, гдѣ оно восходитъ.

6. Идетъ вѣтеръ къ югу, и переходитъ къ сѣверу, кружится, кру-

жится на ходу своемъ, и возвращается вѣтеръ на круги свои.

7. Всѣ рѣки текутъ въ море, но море не переполняется: къ тому мѣсту, откуда рѣки текутъ, онѣ возвращаются, чтобы опять течь.

8. Всѣ вещи—въ трудѣ: не можетъ человекъ пересказать всего; не насытится око зрѣнiемъ, не наполнится ухо слушанiемъ.

3. *Что пользы человеку.* Евр. слово *lithron* въ библіи ни разу не встрѣчается. По мнѣнію сбранствова оно значить: остающееся, непреходящее. Бл. Иеронимъ вопросъ 3 стиха передаетъ словами: *quid superest*, т. е. что остается? Григорій Нисскій выражаетъ его еще яснѣе: „какое изъ видимыхъ благъ пребываетъ всегда тѣмъ же?“ Слово *lithron* такимъ образомъ обозначается счастье постоянное, устойчивое, вѣчное—въ отличіе отъ счастья временнаго, скоропреходящаго, прязрачнаго. Свой вопросъ, приводить ли къ какому либо прочному счастью всѣ усилія людей, Екклезіастъ оставляетъ здѣсь безъ отвѣта. Но этотъ отвѣтъ былъ уже данъ самымъ рѣшительнымъ образомъ во второмъ стихѣ, въ признаніи суетности всего.

4. Невозможность прочнаго человѣческаго счастья выражается уже въ неустойчивости и постоянной смѣнѣ человѣческихъ поколѣній при неизмѣнности и прочности неодушевленной природы. „Что суетнѣ той суеты, говорятъ Бл. Иеронимъ, что земля, созданная для людей, пребываетъ, а самъ человекъ, господинъ земли, мгновенно распадается въ прахъ“?

5. Но и въ жизни природы, такъ же какъ въ жизни человѣчества, происходитъ постоянная смѣняемость. И здѣсь все движется, все течетъ, но только не впередъ, а вокругъ, слѣдовательно всегда по одному и тому же пути, вѣчно по одному и тому же шаблону. Таково прежде всего движеніе солнца. *Спѣшитъ къ мѣсту своему*, точнѣе съ еврейскаго: „задыхаясь спѣшитъ къ мѣсту своему“. Выраженіе указываетъ на утомленіе отъ вѣчно однообразнаго движенія.

6. Повидному самая свободная изъ стихій—воздухъ въ дѣйствительности вѣчно повторяетъ одно и то же движеніе, движеніе по одной и той же окружности. Слѣдуетъ замѣтить, что однообразіе въ движеніи вѣтра было особенно замѣтно для жителя Палестины. Тамъ съ осенняго равноденствія до ноября господствуетъ сѣверозападный вѣтеръ; съ ноября до февраля—западный и югозападный вѣтры, съ февраля до іюня—восточный, съ іюля сѣверный въ перемежку съ другими.

7. Постоянному и однообразному движенію подвержены и рѣки, причѣмъ это движеніе не производитъ никакихъ чрезвычайныхъ переменъ въ мiрѣ. Сколько бы ни текли рѣки въ море, море никогда не переполнится и не зальетъ собою землю. *Къ тому мѣсту, откуда рѣки текутъ, онѣ возвращаются, чтобы опять течь.* Этотъ переводъ не точенъ, хотя и удачно выражаетъ мысль о круговращеніи. *Ѩ* значить „гдѣ“, а не: „откуда“. Точно также *Ѩ* значить: „тамъ“, „туда“, а не: „оттуда“. Правильный переводъ этого мѣста долженъ быть таковъ: „къ тому мѣсту, куда рѣки текутъ, туда онѣ всегда опять текутъ“. Св. писатель говоритъ лишь о теченіи рѣкъ всегда по одному и тому же направленію, а не о круговомъ движеніи водной стихіи, хотя и въ то время уже знали, что вода, испаряясь и образуя облака, снова падаетъ на землю (Іов. XXXVI, 27 и д.).

8. *Всѣ вещи въ трудѣ.* Евр. *dabar* имѣетъ два значенія: вещь и слово. То и другое значеніе встрѣчается и въ книгѣ Екклесіаста. Это даетъ основаніе многимъ переводчикамъ и толкователямъ начало восьмого стиха переводить: всѣ слова слабы, безсилны (передать однообразное движеніе вещей). Такъ передаетъ греческій и славянскій переводъ. Трудно сдѣлать выборъ изъ этихъ двухъ пониманій, такъ какъ оба они вполне отвѣчаютъ контексту. Постоянное, однообразное движеніе вещей столь велико,

9. Чтò было, тò и будетъ; и чтò дѣлалось, тò и будетъ дѣлаться,—и нѣтъ ничего новаго подь солнцемъ.

10. Бываетъ нѣчто, о чемъ говорятъ: „смотри, вотъ это новое“; но *это* было уже въ вѣкахъ, бывшихъ прежде насъ.

11. Нѣтъ памяти о прежнемъ; да и о томъ, чтò будетъ, не останется памяти у тѣхъ, которые будутъ послѣ.

12. Я, Екклесіастъ, былъ царемъ надъ Израилемъ въ Иерусалимѣ;

13. и предалъ я сердце мое тому, чтобъ изслѣдовать и испытать мудростью все, чтò дѣлается подь небомъ: это тяжелое занятіе далъ Богъ сынамъ человѣческимъ, чтобы они упражнялись въ немъ.

14. Видѣлъ я всѣ дѣла, какія дѣлаются подь солнцемъ, и вотъ,

что могло бы дать безконечный матеріалъ для человѣческой способности говорить, видѣть и слышать.

9. Постоянное, однообразное движеніе вещей въ одномъ и томъ же направленіи, движеніе по своей окружности, конечно не можетъ проавести ничего новаго. Результаты его всегда одни и тѣже.

10. Если иногда и думаютъ, что произошло нѣчто новое, сдѣлавъ шагъ впередъ, то на самомъ дѣлѣ и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ повтореніемъ стараго.

11. Ошибка въ этомъ случаѣ происходитъ отъ недостатка исторической памяти, оттого, что о прежнихъ поколѣніяхъ забываютъ послѣдующія. Вместо *о прежнемъ и о томъ, что будетъ*, слѣдуетъ переводить „о прежнихъ“ и „о позднѣйшихъ“, такъ какъ множественное число мужскаго рода въ евр. подлинникѣ указываетъ очевидно на людей.

12. Безцѣльное круговращеніе мировыхъ стихій само по себѣ не доказываетъ еще, что невозможно высшее счастье для человѣка. Человѣческая жизнь сложнѣе, чѣмъ жизнь природы, идетъ своимъ самостоятельнымъ путемъ и потому можетъ быть тавтъ въ себѣ особые задатки для удовлетворенія человѣческаго стремленія къ вѣчному счастью. Поэтому писатель считаетъ нужнымъ отъ наблюденій надъ внѣшней природой обратиться къ психологическому опыту. Соломонъ, въ которомъ съ мудростью соединялись повидимому всѣ дары счастья, болѣе всѣхъ другихъ имѣлъ основаніе отвѣтить на вопросъ о возможности личнаго счастья; въ его богатомъ жизненномъ опытѣ произведена оцѣнка всѣмъ благамъ съ точки зрѣнія совершеннаго счастья, фактически проверено то, что писатель книги рѣшаетъ теоретически. Понятно, насколько полезно было ему воспользоваться опытомъ Соломона. Однако пройдя чрезъ богопросвѣщенное сознаніе священнаго писателя, этотъ опытъ долженъ былъ получить нѣкоторыя новыя черты, несвойственныя исторической личности Соломона; онъ естественно долженъ былъ получить характеръ философскихъ исканій, философскихъ экспериментовъ: если историческій Соломонъ въ поискахъ счастья поступалъ по влеченію сердца, по естественной страсти, подобно прочимъ людямъ, то идеальный Соломонъ — Екклесіастъ руководился въ этомъ случаѣ идеальными мотивами, „мудростью“ (ст. 18; II, 3), желаніемъ на опытъ изслѣдовать величайшій для человѣчества вопросъ: что хорошо для сыновъ человѣческихъ, и что должны были бы они дѣлать подь небомъ во дни своей суетной жизни.

13. Цѣль опыта Екклесіаста заключалась въ изслѣдованіи всего, что дѣлается подь небомъ, съ точки зрѣнія вопроса о счастьи. Первымъ результатомъ, къ которому пришелъ Екклесіастъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, было сознаніе, что уже самое стремленіе людей познать и оцѣнить дѣла человѣческія, составляетъ тяжелое, мучительное занятіе, которое, будучи вложено самимъ Богомъ въ природу человѣка, какъ бы противъ его воли овладѣваетъ имъ. Нѣкоторые толкователи выраженіе „тяжелое занятіе“ относятъ не къ изслѣдованію дѣлъ человѣческихъ, а къ самымъ дѣламъ. Но едва ли оно соотвѣтствуетъ выраженію: „все, что дѣлается подь небомъ“. Тяжелымъ, мучительнымъ занятіемъ изслѣдованіе дѣлъ человѣческихъ является вслѣдствіе крайней неутѣшительности его результатовъ.

14. Выводъ, къ которому пришелъ Екклесіастъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, былъ тотъ, что *все суета и томленіе духа*. Къ своему излюбленному выраженію *hebel*

все—суета и томленіе духа!

15. Кривое не можетъ сдѣлаться прямымъ, и чего нѣтъ, того нельзя считать.

16. Говорилъ я съ сердцемъ моимъ такъ: вотъ я возвеличился и приобрѣлъ мудрости больше всѣхъ, которые были прежде меня надъ Иерусалимомъ, и сердце мое видѣло

много мудрости и знанія.

17. И предалъ я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безуміе и глупость; узналъ что и это—томленіе духа;

18. потому что во многой мудрости много печали; и кто умножаетъ познанія—умножаетъ скорбь.

Екклезіастъ присоединяетъ новое — *geuth guach*. Это выраженіе переводится различно. Одни (пер. халдейскій, сврскій, вульгата), производя встрѣчающееся лишь у Екклесіаста слово *geuth* отъ *gaah* — бушевать, разламывать, переводятъ: волненіе, томленіе духа (какъ русскій). Другіе (Аquila, Θεοδοτιώνъ и Симмахъ), производя отъ *gaah* — пасти, переводятъ: пасеніе вѣтра. Третьи, производя отъ того же глагола съ значеніемъ домогаться, переводятъ: стремленіе вѣтра, затѣя вѣтряная (LXX—*προαίρεσις πνεύματος*) или погоня за вѣтромъ. Послѣдніа два пониманія болѣе соотвѣтствуютъ контексту и имѣютъ весьма близкое параллельное мѣсто въ книгѣ пр. Осія XII, 1, въ словахъ: *Ефремъ пасетъ вѣтеръ* (*gaah guach*) и *гоняется за восточнымъ вѣтромъ*. Назвавъ всѣ дѣла человѣческіа пасеніемъ вѣтра или погоней за вѣтромъ, Екклесіастъ указываетъ на ничтожность, призрачность ихъ результатовъ въ смыслѣ достиженія прочнаго счастья.

15. Въ этомъ стихѣ объясняется причина безрезультатности человѣческой дѣятельности. Послѣдняя не въ состояніи измѣнить существующій порядокъ, исправить всѣ недостатки и несовершенства во вѣшной природѣ и въ природѣ человѣка, пересоздать ту и другую.

16. Если всѣ дѣла и стремленія человѣческіа ничтожны и безрезультатны, какъ дымъ, какъ погоня за вѣтромъ, вслѣдствіе неустраняемыхъ недостатковъ и несовершенствъ міра, то само собою понятно, что изслѣдованіе ихъ мудростью и самая мудрость не могутъ дать нравственнаго удовлетворенія человѣку. Подъ выраженіемъ *больше всѣхъ, которые были прежде меня надъ Иерусалимомъ* и некоторые толкователи разумѣютъ не царей, такъ какъ до Соломона былъ лишь одинъ царь въ Иерусалимѣ — Давидъ, а вообще изравляють. Однако предлогъ „надъ“ (a) заключаетъ въ себѣ понятіе господства и можетъ указывать, слѣдовательно, лишь на царей іерусалимскихъ. Екклесіастъ приписываетъ себѣ обладаніе *мудростью*, какъ религіознымъ и нравственно-практическимъ познаніемъ, и вообще *знаніемъ*, какъ теоретическимъ, научнымъ постиженіемъ вещей.

17—18. Екклесіастъ на собственномъ опытѣ убѣдился, что приобретеніе мудрости и знанія оказалось такой же суетой, такой же погоней за вѣтромъ, какъ и все въ человѣческой жизни. Оно не только не доставило ему счастья, но напротивъ увеличило его страданія, показавъ всю призрачность человѣческихъ надеждъ, всю безрезультатность человѣческихъ стремленій, обнаживъ ничтожество всего земнаго.